

«УТВЕРЖДАЮ»

И.о. Первого проректора
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Московский педагогический
государственный университет»
академик РАО, доктор географических наук,
профессор В.П. Дронов

«6» ноября 2024 г.

ОТЗЫВ
ведущей организации -
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Московский
педагогический государственный университет» -
о диссертации Барановой Татьяны Николаевны «Генезис и
образотворческая функциональность поэтики “больших стихотворений”
Иосифа Бродского», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по научной специальности
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Бродсковедение к настоящему времени превратилось в одну из самых престижных и популярных отраслей современной науки о литературе, как отечественной, так и зарубежной. Чего стоят только недавно вышедшие в свет два мощных тома, посвященные нобелевскому лауреату, в серии Pro et contra (2022–2023) и связанная с ними монография «Иосиф Бродский как эпоха» (2023), среди составителей которых значится научный руководитель защищаемой диссертации — Ольга Владимировна Богданова.

Многосоставный заголовок диссертационного исследования Татьяны Николаевны Барановой паллиативно прочитывается как «Эволюция поэтики “больших стихотворений” Иосифа Бродского». Можно не сомневаться в том, что это усложнение стало результатом стремления автора и его научного руководителя отмежеваться от близкой по материалу и проблематике защищенной в 2017 г. диссертации тогда смолянина, а ныне петербуржца А.А. Азаренкова «Поэтика композиции “больших стихотворений” Бродского».

Эта тема не может не привлечь к себе внимания, поскольку пристрастие поэта к пространственным стихотворным текстам более чем очевидно. К тому же и

сам Бродский на старте своего творческого пути, в 1965 г., признавался А. Я. Сергееву, замечательному переводчику, с которым был дружен, что он не мастер писать короткие стихи, а потому считает оптимальным для себя объём текста не менее, чем в двести строк.

Естественно в связи с этим возникает масса отнюдь не праздных вопросов: чем обусловлено это пристрастие, как оно эволюционировало от раннего стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...» через «Большую элегию Джону Донну», «Строфы» и «Бабочку» к «Келломяки и «Тритону», какие свойства творческого мышления поэта, его психологии, темперамента или, может быть, внешних влияний обуславливают столь продолжительные композиции, как они связаны с жанровой спецификой и какой содержательностью обладают?

В обстоятельном теоретическом «Введении», на дальних подступах к поставленной ею проблеме, Т. Н. Баранова демонстрирует основательное знакомство с грандиозным пластом научной литературы, имеющей прямое или косвенное отношение к исследуемому материалу. При этом она не довольствуется рутинным «обзором» литературы вообще, а рассматривает и профессионально оценивает преимущественно те конкретные работы, в которых обсуждаются актуальные для поставленных в диссертации проблем аспекты.

В частности, она перебирает несколько периодизаций творчества поэта и останавливает свой выбор, вслед за В. А. Куллэ, видимо, на самой оптимальной, трехэтапной: 1) ранний период (конец 50-х — середина 60-х гг.); 2) зрелый (середина 60-х — конец 70-х гг.) и 3) поздний (с конца 70-х). Именно эта периодизация представляется наиболее логичной и обоснованной. Соответственно распределяется и исследуемый в диссертации материал — по трем главам.

Нельзя не согласиться с соискателем и в том, что за последние по крайней мере два десятилетия заметно вырос уровень научного потенциала бродсковедения. Активно обсуждаются онтологические уровни философской и в то же время исключительно личностной лирики поэта, своеобразие его художественной реальности, стратегия и тактика в высшей степени характерной для него лироэпической наррации, особенности субъектных отношений, диффузное взаимодействие повествовательного и медитативного дискурса, интертекстуальные рецепции и аллюзии, довольно разветвленная жанрология, лингвостилистические и стиховедческие аспекты поэтики и т. д. (с. 5).

Попутно во Введении в контексте всего бродсковедения освещаются проблемы, имеющие непосредственное отношение к избранной теме. В первую очередь это, конечно, различные трактовки своеобразия идиожанра Бродского, получившего название «больших стихотворений»; разнообразные интерпретации присвоенного ему термина самим поэтом и его исследователями (анализируются концепции Я. А. Гордина, Д. Н. Ахапкина, А. М. Ранчина, А. А. Азаренкова, М. Ю. Лотмана, В. А. Куллэ,

И. В. Романовой и мн. др.). Поднимается также вопрос о генетической зависимости «больших стихотворений» поэта от оды, баллады, элегии и эклоги, а также об их самодостаточности как индивидуального изобретения Бродского для выражения и решения волновавших его «экзистенциальных задач». С особым вниманием Т. Н. Баранова отнеслась к тем исследованиям коллег, в которых высвечиваются генетические и типологические связи данной лироэпической формы с традициями русской поэзии XIX — начала XX вв., и западно-европейских поэтов, от Гомера до Одена, прежде всего — метафизиков, среди которых выделяется фигура Джона Донна.

Основываясь на признании самого Бродского о не менее чем двухсотстрочном объеме его «больших стихотворений» и исследовав стихотворный сборник «Холмы», составленный Яковом Гординым, где выделен особый раздел с соответствующим наименованием, Т. Н. Баранова уточняет: наименьшим по объему произведением в интересующей нас жанровой рубрике является стихотворение 1962 г. «Ты поскачешь во мраке...», насчитывающее всего 48 строк. По правую сторону от этого рубежа (т. е. по возрастающей), по подсчетам А. А. Азаренкова, оказалось 126 текстов. Поэтому, как полагает диссертант, вряд ли целесообразно абсолютизировать только количественные показатели: гораздо плодотворнее дополнить их узаконенной М. М. Бахтиным триадой квалификационных признаков жанра («тематическим содержанием», «стилем» и «композиционным построением» (с. 15). Сверх того, по ее мнению, следует учитывать «еще одну категорию, постоянно выделяемую исследователями в ходе анализа поэтики «больших стихотворений», — это образ и способы проявления *лирического героя* (*лирического субъекта*) в его поэтическом тексте» (с. 27).

К концу своего обзора поэтологических работ бродсковедов о «больших стихотворениях» Иосифа Бродского соискательница констатирует: «...авторы научных работ неизменно обращаются к практике анализа отдельных слагаемых “больших стихотворений”, однако *системной* проработке такого рода проблем до сих пор не уделено достаточного внимания, вопросы поэтики “больших стихотворений” остаются вне рамок научной аксиологии» (с. 29).

Диссертационное исследование Т. Н. Барановой последовательно и целенаправленно, на высоком научном уровне адекватно репрезентирует все перечисленные тенденции. Сверх того, исследовательница поставила перед собой чрезвычайно важную и ответственную задачу — привести все это множество частных наблюдений, дополнив их собственными оригинальными трактовками, в целостную систему.

Начинает она в первой главе «Поэтологические истоки жанра “больших стихотворений” на раннем этапе творчества» с анализа самых ранних произведений, пусть и относительно коротких — текст «Бессмертия у смерти не прошу...», например, содержит всего-навсего 28 строк — но столь же онтологически бытийных, с целью доказать самобытность пристрастия Бродского к аналогичным по проблематике, но значительно большим по объему произведениям. Этот, на первый взгляд, еще недостаточно

профессиональный текст, так же как сопутствующие ему «Пилигримы», цикл «Июльское интермеццо», а затем в еще большей мере «Холмы» и уникальный синтез драматизированного диалога на стыке поэмы и уже собственно «большого стихотворения» в «Исааке и Аврааме», «Горбунове и Горчакове» являют собой закономерное нарастание онтологических мотивов жизни и смерти, движения во времени и пространстве — всего того, что с усилением повествовательного нарратива в гармоничном соитии с активизацией медитативных партий «я-персонифицированного лирического субъекта» формирует жанровый феномен, ставший визитной карточкой идиостиля поэта.

Существенным оригинальным достижением диссертанта следует считать аргументированное смещение начала овладения Бродским крупнее лирических форм к рубежу 50–60-х гг. и выдвигание в связи с этим тезиса об изначальных самобытных предпосылках, наметившихся задолго до его знакомства с творчеством Баратынского и западно-европейских поэтов.

Нетривиальны и рассуждения исследовательницы о семантике образа универсального куста в «Исааке и Аврааме», под которым она склонна понимать не просто аллюзию на библейскую неопалимую купину, но и многозначный символ народа, племенной общности, «начала начал», «истока еще не сотворенного из хаоса мироздания» и «ключа житнетворения». Действительно, «куст похож на все» (автореф., с. 14).

Во второй главе «Поэтический мир “больших стихотворений” зрелого периода творчества» анализируются совершенно феноменальное создание поэта — «Большая элегия Джону Донну», уже в заглавии которого содержится знаменательная отсылка на творческий опыт адресата — великого английского поэта-метафизика. Этот источник удивительным образом сочетается с не менее прозрачными ассоциациями из стихотворения Евгения Баратынского «Запустение», лирический герой которого на грани двух миров внимает «убедительным пророчествам» об идеальной стране и мысленно наследует «несрочную весну» в ней, где надеется встретиться въявь со своим покойным отцом.

Среди самых расхожих экзистенциальных категорий, характерных для крупномасштабных лирических полотен Бродского, «время, пространство, Бог, жизнь, смерть, искусство, поэзия, изгнание и одиночество», обозначенных М. Б. Крепсом, автор диссертации выделяет еще и трактуемую в трагическом ключе *любовь*. Если в «Большой элегии Джону Донну» ее заглавный персонаж, погружаясь в сон навсегда и ощущая свою душу отлетевшей от тела, прощается с жизнью, то лирический герой «Строф» 1968 г. со словами прощания обращается к своей уходящей, словно в небытие, возлюбленной. Переживаемое им чувство утраты настолько катастрофично, глобально, что сюжетное развитие, по мнению Т. Н. Барановой, «разрешается в метафизическом и даже мистическом плане», что дает основание выводить его на уровень не только донновских, но и дантовских универсалий (с. 116).

В написанной также строфами — четырнадцатью 12-стишиями — «Бабочке» вместо привычного отождествления беспечно порхающего насекомого с психеей-душой исследователь усматривает аналогию с немилосердной судьбой самого лирического субъекта. Вывод, к которому склоняется Т. Н. Баранова, правомерен: не довольствуясь так называемым «точечным» сюжетом, поэт развертывает его эпически, сопровождая свое обращение к мертвой уже бабочке-однодневке пространными философскими рассуждениями о диалектике жизни и смерти, как по отношению к природе, так и применительно к себе самому. Столь же убедительны ее доводы об отсутствии прямых генетических связей героини этого стихотворения Бродского с бабочками Набокова, Фета, как и с персонажем оперы Моцарта «Женитьба Фигаро» Керубино, которого Фигаро сравнил с той же «бабочкой» (с. 137).

В третьей главе рассматриваются еще два «больших стихотворения», написанных уже зрелым поэтом в 1982 и 1994 годах.

Первое из них, по объему равное «Бабочке» (те же 14 двенадцати-стиший, т. е. 168 стихов), под заголовком «Келломьяки» представляет собой ностальгически взволнованное воспоминание о счастливой жизни с Мариной Басмановой в бывшем некогда финском местечке, переименованном в поселок Комарово, где поэт присматривал за дачей академика-биолога Раисы Львовны Берг. Анализируя этот текст, соискательница прослеживает то, как формируется и упрочивается доминирующий концепт любви, осмысленный в хронотопе навсегда утраченного пространства и пролетевшего времени, и устанавливает генетическую его преемственность с элегиями Джона Донна и сонетными циклами Данте в «Новой жизни» и — добавим — Петрарки в «Канцоньере» (с. 158).

Второе с морским названием «Тритон» (в первых публикациях «Моллюск») — состоит из 37 шестистиший, т. е. 222 стихов. В нем наиболее близкая Бродскому стихия воды загадочным образом сопрягается с Космосом, но в конечном итоге главный вопрос, обсуждаемый в этом большом тексте, касается личности лирического субъекта, осознающем себя в беспредельном мироздании по философской максиме Декарта: «Cogito ergo sum».

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования. Все основные положения, выдвинутые на защиту, получили основательную аргументацию. Т. Н. Барановой удалось:

1) продемонстрировать доминирование в творчестве Бродского в качестве идиожанра так называемых «больших стихотворений»;

2) уточнить временную границу их появления в творчестве поэта (не с начала 60-х, а с конца 50-х гг.);

3) понизить минимальный порог для его произведений, которые можно отнести к жанру «больших» (в их ряду могут фигурировать тексты и в 48, и даже 28 стихов);

4) пересмотреть вопрос о влиянии на изначально самобытное творчество Бродского соответствующего опыта отечественных и западноевропейских поэтов, которое на проверку оказалось не столь значительным;

5-6) пополнить жанрообразующие категориальные признаки «больших стихотворений» поэта (тему, композицию и стиль, по М. Бахтину) образом лирического субъекта и своеобразием его повествовательно-медитативной стратегии, а также набор традиционно выделяемых категориальных признаков поэзии Бродского, таких как Время, Пространство, Движение, Хаос и Смерть, — Любовью и связанной с нею Болью;

7) узаконить в роли доминантной характерной черты «больших стихотворений» Бродского лиро-эпическую диффузию, благодаря которой медитативный дискурс гармонично уравнивается повествовательным нарративом, а стиховой строй насыщается прозаизирующими компонентами (раскованной дольниковой каденцией, обильными анжамбеманами, крупноблочной строфикой);

8) выявить и обосновать воздействие всех перечисленных факторов на усиление семантической весомости и образной выразительности каждого слова в отдельности и всего стихотворного высказывания в целом.

Перечисленные достижения, однако, не означают, что все проблемы, связанные с «большими стихотворениями» Иосифа Бродского, категорически решены и тема эта закрыта. Наоборот, как полагал Сократ, чем шире круг нашего знания, тем длиннее граница с незнанием, тем больше возникает и будет возникать впредь спорных вопросов.

Например, многие признаки, релевантно свойственные укрупненным произведениям Бродского, в разреженном виде наверняка можно обнаружить и в текстах меньшего размера. А в пристрастии к протяженным лирическим композициям, вопреки утверждению в работе, будто Бродский был «единственным художником, сгенерировавшим такое неповторенное (неповторимое) жанровое образование» (автореф., с. 7), с ним вполне могли соперничать и Владимир Маяковский, и Белла Ахмадулина. Следовательно, при идентификации предмета дальнейшего исследования, о необходимости которого говорится в заключении (с. 179–180), придется руководствоваться все же не столько качеством, сколько количеством стихов. А коль скоро так, в дальнейшем придется составить полный реестр стихотворных произведений поэта, превышающих исходный порог, ну если не в 200, то хотя бы в 48 строк, ранжировать их, последовательно распределить по жанровым модификациям, версификационным параметрам и другим жанрообразующим признакам, после чего, может быть, нам и удастся отделить большие стихотворные формы, от средних и малых. Но это уже будет следующий этап познания, тоже наверняка не последний.

Проанализированные большие тексты отобраны поневоле избирательно без специального обоснования; кроме них остались незадействованными такие заметные образцы, как «От окраин к центру» (147 стихов) и «Холмы» (194 стиха), 1962, «Письмо в бутылке» (274 стиха), 1964, «Прощайте,

мадемуазель Вероника» (168 стихов) и «Речь о пролитом молоке» (320 стихов), 1967, «Посвящается Ялте» (565 стихов), январь-февраль 1969, «Разговор с небожителем» (226 стихов), март-апрель 1970 и мн. др.

Но нельзя объять необъятное. Работа в избранном направлении, конечно же, будет с успехом продолжена. Результаты диссертационного исследования красноречиво свидетельствуют о высоком научном уровне его автора, которому можно пожелать разве что усилить анализ версификационных уровней текста. Отдельной похвалы заслуживает безупречная манера изложения сложнейшего материала.

Важным дополнением к основному тексту диссертации служат многочисленные публикации (в списке их 27) в престижных изданиях, которые в совокупности не только репрезентативно отражают содержание работы в целом, но и значительно расширяют его (например, статья «Образно-мотивное единство цикла И. Бродского “Мексиканский дивертисмент”», написанная в соавторстве с научным руководителем и опубликованная в «Научном диалоге» за 2023 г. (Т. 12. № 1. С. 186–212)).

Диссертация Т. Н. Барановой «Генезис и образотворческая функциональность поэтики “больших стихотворений” Иосифа Бродского» представляет собой самостоятельное научно-квалификационное и завершённое исследование, ценное по полученным результатам, содержит в себе решение задач, имеющих принципиальное значение для литературоведения.

Теоретическая и практическая значимость работы также не вызывают сомнений: наблюдения, выводы и полученные результаты диссертационного исследования, несомненно, послужат основой для дальнейшего изучения отечественного литературного процесса, могут быть использованы в курсах истории русской литературы на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, при подготовке курсов по выбору, посвящённых отечественной литературе и непосредственно восприятию поэтических произведений Иосифа Бродского, при издании и комментировании произведений нобелевского лауреата.

Автореферат полностью соответствует логике, структуре и содержанию диссертации и верно отражает ее основные положения.

По актуальности, научной новизне, объёму диссертация Татьяны Николаевны Барановой «Генезис и образотворческая функциональность поэтики “больших стихотворений” Иосифа Бродского» отвечает всем требованиям, предъявляемым к квалификационным работам на соискание ученой степени кандидата филологических наук и соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки) по следующим пунктам: п. 4 — «История русской литературы XX–XXI вв.», п. 8 — «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и её преломлений в художественном творчестве», п. 9 — «Индивидуально-писательское и типологическое выражение жанрово-стилевых особенностей в

их историческом развитии», удовлетворяет требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», введенного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор, Татьяна Николаевна Баранова, в полной мере заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры русской классической литературы О. И. Федотовым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры русской классической литературы 11 октября 2024 г., протокол № 3.

Чернышева Елена Геннадьевна,
доктор филологических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский педагогический
государственный университет»,
Институт филологии, кафедра русской
классической литературы,
заведующий кафедрой

Контактная информация:

Полное наименование организации в соответствии с Уставом: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Сокращенное наименование организации в соответствии с Уставом: ФГБОУ ВО «МПГУ»

Почтовый адрес: 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, строение 1

Телефон: +7 (499) 245-77-58

Адрес электронной почты кафедры: ruslit19@yandex.ru

Адрес официального сайта сети Интернет: mail@mpgu.su

С научными публикациями сотрудников кафедры русской классической литературы можно ознакомиться на следующих сайтах в сети Интернет:

<https://mpgu.su/staff/fedotov-oleg-ivanovich/>

<https://mpgu.su/staff/svyatoslavskiy-aleksey-vladimirovich/>

<https://mpgu.su/staff/egorova-ekaterina-vyacheslavovna-2/>

Подпись: *Е.Г. Чернышева*
УДОСТОВЕРЯЮ
Зам. начальника
Управления
делами
С.С. Яковлев